

О ПРИРОДЕ СОВРЕМЕННЫХ ДЕНЕГ И ИННОВАЦИОННОСТИ

(статья опубликована: Л.Г. Пугачева О природе современных денег и инновационности // Инновационная экономика – направление устойчивого развития государства. Материалы международной научно-практической конференции. ИСЭПиМ, 18 ноября 2011 г. Под ред. В.П. Делия.– Балашиха, Изд-во «Де-По», 2011. – С.96-100).

Природа денег как всеобщего эквивалента известна каждому. Однако далеко не все люди, пользующиеся деньгами каждый день, представляют себе истинную роль денег, постоянно курсирующих через их руки и мозг. Максимум, до чего додумывается обыватель, – мерять все предметы, процессы и человеческие отношения деньгами и удивляться их мистической власти. Однако мистика, как правило, появляется там, где истинные причины происходящего скрыты от наивного ума. Возможно, лучшие исследования природы денег, обобщающие в форме документального кино многочисленные исторические факты – это фильмы канадского режиссера Пола Григгона «Деньги – пирамида долгов» I и II (оригинальное название Money as Debt, 2006). Данная работа в определенном смысле является рефлексией над материалом фильма и попыткой сделать некоторые, быть может, небесполезные обобщения.

Итак, важный переломный момент в истории современных денег – когда деньги становятся предметом купли-продажи и происходит, можно сказать, снятие естественных ограничений на рост денег путем их «освобождения от материи» и, тем самым, окончательной «символизации». После этого деньги выступают как чистый знак, не ограниченный материей золота (которого в мире, в общем-то, немного), поскольку операции экономического обмена начинают производиться при помощи бумажных «векселей», заменяющих собой сначала реальное, а потом уже и просто не существующее золото. Ведь честность банкира, выписывающего долговую расписку в древнем мире, и честность банка, дающего виртуальные деньги на покупку товара в кредит в XXI веке обычный обыватель проверить не в состоянии, да и сила закона не на его стороне. Ведь хождение виртуальных денег легитимировано очень давно. Таким образом, чистый знак, не обремененный никаким материальным референтом (то, чего не существует, некий «кентавр от экономики») становится силой, активно подталкивающей развитие самой экономики (промышленности, науки, мирового хозяйства в целом – вполне реальных вещей, существующих материально). Интересно, что «ничто», «небытие», которое, всем ясно, не может быть силой природы, тут является реальной силой – машиной, созданной интеллектом и действующей в социальном мире. В XXI веке существование денег, а по сути, долговых обязательств многих людей перед немногими, ставит социальный мир под угрозу саморазрушения и небытия теперь уже вполне реального и материального, благодаря глобальному кризису. При этом то, что продается немногими людьми всем остальным, – это всего лишь обещание, что в будущем они отдадут кому-то не только стоимость полученного сейчас товара, но также что-то сверх того, то есть, чистую прибыль. Обещание подкреплено угрозой, исходящей от законной власти, которая поддерживает систему денег внутри государства и в масштабе земного шара: имущество будет отобрано, должник – наказан.

Для очищения восприятия происходящего условимся называть все материальные и культурные блага общественным ресурсом жизни, а деньги – абстрактным эквивалентом этого ресурса. С другой стороны, у отдельных граждан тоже есть ресурс, который полностью ограничен существованием их индивидуальных организмов – ресурс тела, ресурс времени жизни или экзистенциальный ресурс, который и подвергается купле-продаже при помощи абстрактного эквивалента – денег.

Как функционирует натуральный обмен? Пусть несколько идеализируя, опишем данную ситуацию: это простое перераспределение общественного ресурса, не затрагивающее (вероятно, совсем или немного) экзистенциальный ресурс человека, поскольку человек эпохи натурального обмена живет в области баланса свободы и зависимости. Продукты труда — еда и товары — изготавливаются в объемах, необходимых для реального поддержания экзистенции. Нет стимула делать больше продукта, чем это нужно самому человеку и членам сообщества, поэтому зависимость, несвобода распоряжаться экзистенциальным временем, связанная с производством продукта, при наличии неплохих природных условий, имеет определенные границы.

Как осуществляется обмен в «продвинутой» финансовую эпоху, когда люди научились торговать виртуальными электронными деньгами, существующими только на бумаге/в компьютере, благодаря поддержке сил закона и государства? Опыт подсказывает, что работа в эту эпоху становится для большинства почти единственной формой функционирования организма. Кто не работает, тот не просто не ест, – он оказывается за бортом социума, с ним нет причин иметь дело, ведь все остальные вокруг – отъявленные труженики, общающиеся в рамках производственной необходимости. Остальные формы сознания, помимо «трудовой» – религия, наука, познание мира, искусство, игра, танец, театр, спорт, бесцельная коммуникация, которая сродни радостному чириканью воробьев или подростков, то есть, все составляющие жизнь нюансы – минимализированы и носят подчиненный характер. Они случаются все реже и все больше зависят от количества денег, которые вы имеете. То, что еще 40 лет назад было доступно и бесплатно, – естественная для человека коллективная жизнь, дающая чувство принадлежности, нужности, идентификации, – дворовые детские компании, вечерние посиделки с домино и картами, танцы, спортивные секции, – сегодня либо исчезло, либо встало на коммерческую основу. Общество потребления теперь имеет одну главную форму сознания – зарабатывательно-приобретательскую. Герой нашего времени – менеджер, управляющий чьими-то большими деньгами: то есть человек, который несет ответственность за то, чтобы их вовремя продать подороже (и это не тяжелый грех, в чем единодушны Библия, Коран и Тора [1], это – добродетель) принеся своему работодателю максимальную выгоду. Но из чего она состоит? Ведь деньги-то в большинстве своем – виртуальные. Они не подкреплены реальным золотом и конкретными натуральными товарами. Представьте на секунду, что это – всего лишь кредитный процент, начисленный всеми банками земли всем бедным семьям за покупку ими квартир, в которых они живут сейчас. Понятно, что просто еще не существует никакого материального эквивалента этому кредитному проценту, – это всего лишь агрессивное желание владельца банка иметь больше... чего? На абстрактном уровне можно сказать так: больше общественного материального ресурса в своем личном распоряжении. Но этот материальный ресурс еще не создан. Поэтому правильнее назвать это безудержным желанием обладать будущим временем. Но, опять-таки, как известно даже ребенку нашего циничного времени, – будущего не существует. Есть только бедные измученные работой тела-организмы миллиардов людей и их экзистенциальный ресурс, который существует здесь-и-сейчас. Таким образом, получается, что ресурс, который приобретается в режиме здесь-и-сейчас

в обмен на всеобщий абстрактный эквивалент одними людьми (их мало) – это экзистенциальный жизненный ресурс других людей (их много). Эти последние пустят его на труд по производству неважно чего, хотя бы и на производство безрезультатной офисной ФДД (фигуривно-демонстрационной деятельности) по согласованию «стратегии развития офиса за номером 3322». Главное – в будущем, когда оно станет настоящим, они получают за это абстрактный эквивалент – деньги и отнесут их владельцу банка. Суть процесса в том, что кто-то один (или несколько) получает право определять – каким образом расходовать экзистенциальный ресурс всех остальных людей. Но употребить этот грандиозный ресурс на микроскопические экзистенциальные нужды своего «микроорганизма» владелец денег не может онтологически: индивид и род несоизмеримы – относятся к логически разным организационным уровням реальности. Получается, что «власть» – это главный смысл процесса денег. Как властелин в рабовладельческом обществе, он определяет, что время жизни людей, их силы будут потрачены на него, при этом простые люди не смогут думать и делать то, что считают лучшим для себя. Они не смогут быть свободными в простом бытовом смысле слова. Им, возможно, не хватит времени на то, чтобы спать или гулять, они будут питаться некачественными продуктами, мало общаться с женами, сутками не видеть детей. В итоге, – они будут себя чувствовать очень плохо. А не это ли главный признак утраты жизненного ресурса?

Соответственно изощренному духу нашего интеллектуального времени сам рабовладелец не виноват: не он придумал деньги как товар. Кроме того, мораль тяжелого офисного труда как безусловной ценности является знаком нашего времени. Для сравнения – тяжкий физический труд рабов по постройке пирамид имел материальный результат, переживший тысячелетия. Гигантские выбросы психической энергии современного офисного планктона и более крупных обитателей офисных глубин, именуемые почему-то работой, возможны только потому, что кто-то по-прежнему создает простой общественный материальный ресурс – еду и товары. Все это было бы просто невозможно без сельского хозяйства и промышленности, где трудятся все те же специалисты, профессионалы, как и те, что построили египетские пирамиды. Ничего не изменилось за пять тысяч лет. Все остальные, кто не сеет и не пашет, и не лечит и не учит – вовлечены в процесс перераспределения этих благ, а главным инструментом распределения являются виртуальные деньги. Тот, кто имеет власть их создавать, принципиально уже купил все то, что еще не произведено, – на многие годы вперед, уже забрал экзистенциальный ресурс большинства населения планеты.

Деньги как всеобщий абстрактный эквивалент, таким образом, в их современном, виртуальном виде – это экспансия власти в будущее время современного человека, захват не только пространства, но и времени жизни. Благодаря кредитной системе время становится проданным до того, как оно родится, придет к нам из будущего, из наших планов, надеж и мечтаний.

Поэтому современное общество должно, в первую очередь, пересмотреть свое отношение к деньгам как инструменту власти и перераспределения всеобщего экономического ресурса. В первую очередь, должны быть созданы механизмы обуздания роста массы денег. Деньгам надо вернуть их настоящее место, – не товара, а инструмента обмена товарами, произведенными ради поддержания жизни. В этом и будет состоять настоящая инновационность, что возможно, конечно, при условии осознания истинной природы и предназначения денег всем обществом в целом.

[1] Хотя, необходимо заметить, иудаизм неоднозначно трактует ростовщичество по отношению к иноверцам. Есть свидетельства как разрешения, так и запрета на него.

Вместо выводов.

Иудаизм, Тора: «Когда деньгами будешь ссужать народ Мой, немущего, который с тобой – не будь ему притеснителем и не бери с него проценты». (Перевод П. Гиля по изданию Пятикнижие Моисеево: перевод и комментарии// Электронная библиотека издательства ДиректМедиа Пабблишинг. – Т. 12 (на CD), Шмот, 22: 24 Цит. по электронному ресурсу – <http://nm2000.kz/news/2011-05-23-40737> – 7.12.2011).

Карл Маркс, 1867 г., «Капитал»: «Товар есть, прежде всего, внешний предмет, вещь, которая благодаря ее свойствам удовлетворяет какие-либо человеческие потребности» (Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Избрн. Соч. в 9тт, М., 1987г. Т.7 – С. 35).